

Я.А. ЯКОВЛЕВ

ОТ МИФА К ИСТОРИИ, ИЛИ СНОВА О Д.Д. ДОНСКОМ¹

В любой исторической науке всегда очень остро стоит проблема использования источников. Особенно это касается той сферы исторических знаний, которая называлась и называется отчизноведением, родиноведением, краеведением, локальной историей и т.д. Демократическая и по форме, и по сути, лишённая академических фраков, она привлекает к себе огромное количество людей. Причём отсутствие перспектив официальной научной карьеры рекрутирует в её ряды натуры, почти исключительно альтруистические и неравнодушные к предмету своих исторических изысканий. Если к этому же добавить чрезвычайно широкий спектр проблем, кои охватываются историческим краеведением, то становится понятным: через широко распахнутую дверь в эту науку идут очень и очень многие.

При этом очень многие из них уверены, что достаточным основанием для плодотворных занятий краеведением могут быть лишь собственное желание и какой-то временной отрезок личной причастности к предмету изучения - деревне, посёлку, городу, человеку и т.д. Но в действительности этого мало. Все мы прекрасно понимаем, что для профессии, предположим, врача или шофёра необходима определённая сумма знаний и опыта, и поэтому не доверим своё здоровье шарлатану без медицинского диплома, а жизнь - лихачу без водительских прав. А вот краеведом, как представляется многим, может стать любой желающий даже при отсутствии научных знаний и практики исследовательской работы.

Эта тема слишком глубока, чтобы обсуждать её мимоходом. Хочется коснуться лишь единственного её аспекта - чрезмерного увлечения краеведов в районах устными источниками и игнорирование письменных документов. Это не голословное заявление, а печальный вывод из собственного опыта сотрудничества со многими краеведами, в частности при подготовке книг серии «Земли томские»².

Действительно подавляющее большинство результатов изысканий по местной истории, а это, как правило, заметки в районных газетах, альбомы и стенды в школах либо самодеятельных музейчиках, построены почти исключительно на воспоминаниях старожилов и ветеранов войны и труда. При этом не берутся в

расчёт даже многочисленные противоречия в рассказах людей, сведения просто констатируются - и всё. Но человеческая память - самый ненадёжный источник, особенно в части хронологии. Забывчивость или игнорирование фактов и дат, личностное отношение информатора к предмету разговора, его вольное или невольное желание подать себя в выигрышном свете и ещё масса моментов становятся причиной того, чтобы была озвучена искажённая информация. Обнародовав её без проверки другими источниками, да ещё и подкрепив собственным именем, краевед отправляет этот фантом в океан исторических фактов, даже не подозревая, какую медвежью услугу оказывает он истории в целом и своей локальной истории в частности.

Не зря же в своё время Ф. Грэм обронил ставшую крылатой фразу, что «газета - первый черновик истории». Во-первых, такая работа, которую местный исследователь искренне считает просветительской и благородной, даёт порой совершенно противоположный эффект. Его земляки, не связанные профессионально с историей и привыкшие к магии печатного слова, начинают свято верить в прочитанное. Так рождаются местные мифы. И разрушить их, знаю по собственному опыту, чрезвычайно трудно. «Дед Кузьма говорил, а потом наша районка писала...» - и всё, никакие доводы против такого аргумента уже не действуют. Но мифология и история - вещи всё-таки разные.

Во-вторых, устная информация, получив прописку на газетных страницах, становится письменным тиражированным источником. Её доступность и во времени, и в пространстве многократно увеличивается. Рано или поздно эти ложные сведения попадают на глаза историку, который вводит их в научный оборот, включает в справочники, учебники и т.д. А в начале этой цепочки стоит непрофессионализм краеведа. Примером подобного из парабельской истории может стать ситуация с публикациями о Д.Д. Донском³. Увидевшие свет в парабельской⁴ и колпашевской⁵ районных газетах, они были основаны полностью на устных воспоминаниях, более чем наполовину не соответствовавших истине. Позже искажённые факты из газет были введены в научный оборот⁶.

Понятно, что не все архивы доступны, не всегда работающие в них люди оперативно и добросовестно отвечают на запросы, не всю информацию в наше время можно получить бесплатно... И всё же речь о другом - о том, что в своём большинстве краеведы-любители даже не пытаются обращаться в архивы. Хотя работают над местными темами, документы по которым в архивах районных администраций как раз и хранятся. Небольшой пример. При составлении книг по истории районов Томской области я пытался проследить даты образования и преобразования колхозов по публикациям в районных газетах 1970-1990-х гг. Оказалось, что сделать это невозможно. Материалов на эту тему в советской прессе было предостаточно. Буквально по десятку ветеранов из каждого колхоза делились воспоминаниями, и каждый называл свои, отличные от других даты и обстоятельства. Местные краеведы, чаще всего юные, все эти заметки оформляли в альбомы, с горечью резюмируя, что де сии славные факты нашей район-

ной истории потеряны во мраке десятилетий. И никто - ни журналисты, ни краеведы - не обратился в районный архив, где хранятся протоколы всех колхозных собраний - с датами, названиями, фамилиями и т.д.

Конечно, есть и другая крайность - ею нередко грешат профессиональные историки, к которым приkleился ярлык «кабинетные». Это чрезмерная увлечённость сугубо письменными источниками и нигилистическое отношение к устным воспоминаниям. И тот, и другой подходы однобоки, а значит, и малопродуктивны. Истина же, как водится, лежит посередине. Разные по своей природе архивные и устные источники фиксируют и отражают разные стороны исторического факта, и посему только их совокупное привлечение, использование и взаимопроверка могут привести к наибольшей полноте исторического исследования и объективности выводов.

В качестве небольшого примера корреляции устных и письменных источников на одну и ту же тему можно взять последние годы жизни и гибель Д.Д. Донского - несомненно, одной из самых мифологических фигур истории Нарымского края. Для начала - рассказ бывшей парабельчанки **Марии Петровны Качаловой**, в девичестве **Яровиковой** (1910 г. р.; г. Томск, ул. Мамонтова, д. 10, кв. 1), записанный мною 9 мая 2001 г. (рис. 1).

«Родилась и выросла я в д. Луговской, что около Нарыма. Где-то в конце 1920-х годов я сильно заболела, и меня привезли в Парабельскую больницу. Остановилась у своей тёти Пелагеи Кошкиной. У её семьи был двухэтажный дом: на первом этаже они жили сами, а второй сдавали доктору Дмитрию Дмитриевичу Донскому и его жене. Он работал в старом ещё здании больницы, жена, как помнится, не работала. Вообще я запомнила её достаточно плохо. В память запали лишь очень красивые цветы из ткани, которые эта женщина делала, и её частые отлучки на Парабельское опытное поле (в народе - агростанцию), с сотрудниками которого Донские поддерживали, видимо, дружеские отношения. Хотя и в тот свой приезд в Парабель, и в последующие годы я не помню, чтобы Дмитрий Дмитриевич с кем-то активно дружил или хотя бы кого-то у себя часто принимал.

Целый месяц я тогда пролечилась у Д.Д. Донского и вернулась домой. И следующий раз с этим замечательным доктором и человеком я столкнулась в 1930 г., когда меня вновь привезли в Парабель на лечение. На этот раз я лежала в стационаре долго. Пришла уже распутица, а мне так не хотелось возвращаться в Луговское! Мама мне разрешила остаться в Парабели, если будет работа. И доктор Донской взял меня в больницу санитаркой.

Поселилась я в новом доме, который был построен на территории больницы для жилья медработников. Как раз на втором этаже, где жил доктор со своей новой женой Таисией Ивановой, освободилась комната - её-то я и заняла. На первом этаже жили доктор Э.М. Качанова с мужем и сыном и медицинские сёстры.

Соседом Дмитрий Дмитриевич оказался просто восхитительным (рис. 2). Он прекрасно понял моё состояние деревенской 20-летней девчонки, впервые оказавшейся в одиночестве вне дома, и всячески опекал меня. А я, конечно, сильно его стеснялась - всё-таки он был и

Рис. 1. Коллектив Парабельской больницы. Третий слева в первом ряду - заведующий Д.Д. Донской, вторая слева в среднем ряду - санитарка М.П. Яровикова (Качалова), четвёртая слева в среднем ряду - медсестра Т.Е. Иванова. Ок. 1930 г.
Из архива автора

Рис. 2. Д.Д. Донской дома. С. Парабель. 1929 г. Из архива Д.Д. Донского (младшего)

значительно старше меня, и моим начальником, да и разница в образовании, жизненном опыте и положении была несоизмеримой. Например, столько книг, сколько было в его квартире, я до того никогда не видела. «Неужели, - спрашиваю, - Вы всё это прочли?». «Да», - отвечает. Однажды я помогла его жене приготовить обед, и они пригласили меня за стол. Я, само собой, отказалась. Тогда Дмитрий Дмитриевич пришёл в мою комнату, сгрёб меня в охапку и унёс на руках в столовую. И потом, когда я отказывалась пообедать у них, всегда страшал: «Сейчас на руках унесу». Меня, конечно, страшила такая неловкость, и я сразу шла за стол.

Кстати, у них была традиция всегда обедать вместе. Если он уезжал на обслуживание больных по деревням, то Тася за стол совсем не садилась. Так, на ходу что-то пожует - и всё. А ежели уезжала она, то готовила для него я. И он всегда приглашал меня за стол. Видимо, не мог уже один есть. Однажды в такой период я подготовила ужин, а сама ушла к тётке, и Дмитрий Дмитриевич был очень недоволен, что остался голодным. Питались они неплохо, потому что благодарные пациенты всегда снабжали их хорошими продуктами. Для деревенского доктора в то время такие отношения были нормальными.

Кстати, с мясом связан один смешной случай. Мама прислала мне как-то маленького поросёнка, но мне нечём было его откармливать. Договорились, что этим будут заниматься Донские, а мясо потом поделим поровну. Так и сделали. А в д. Шонгино жило несколько воров, которые тащили буквально всё во всех окрестных деревнях. Их в лицо знали. В тот год, как всегда, все пошли встречать первый пароход - это же было такое событие! На обратном пути Дмитрий Дмитриевич встречает шонгинского воришку с огромным куском мяса и, шутя, спрашивает: «Не у меня ли украл?». - «У Вас», - тот отвечает. Донской домой приходит - точно: мяса нет.

Но это я маленько отвлеклась. Хоть Дмитрий Дмитриевич меня опекал и мне покровительствовал, никакого сюсюканья и панибратского отношения он не допускал. Я всегда помнила, кто он такой. Например, мы освещали своё жильё больничным керосином. Когда он видел, что в моей комнате долго горел свет, то всегда проверял. И, если я в такой момент бездельничала, он сурово говорил: «Ложись спать». Но при выходе обязательно строил мне какую-нибудь страшную рожу или подмигивал - и никакого неприятного осадка не оставалось.

Он вообще запомнился очень весёлым человеком. Или самой мне тогда всегда хотелось смеяться - не знаю... Одну зиму я жила вместе с санитаркой Аней, такой же молодой девчонкой. Соберёмся мы как-нибудь в клуб, а Дмитрий Дмитриевич зайдёт, пошутит - и нам уже никуда не хочется. «Зачем куда-то идти, - говорила Аня, - у нас веселее, чем в клубе». И на работе также. Он строгим был, работу проверял постоянно. Если что не так, такую выволочку устроит - только держись. А при выходе улыбнётся или пошутит, и нормальное настроение возвращается.

Помню такой случай. Чтобы побольше зарабатывать, я перешла в инфекционное отделение. Его все «заразным бараком» называли и лежали там больные сыпным тифом. Обслуживающему персоналу запрещалось выходить оттуда даже вне рабочего времени, мы прямо в этом бараке и жили. А девчонки молодые все были, хотелось веселья, разнообразия. Во время обхода он и спрашивает: «Чего носы повесили?»

- Так скучно же, Дмитрий Дмитриевич. Ходить никуда нельзя, сидим вот...
- Так вы песни или частушки пойте.

- А мы не знаем.

И тут он нам выдаёт... Я на всю жизнь запомнила:

*Я стояла на крыльце
Умывалась борной,
Ероплан-то пролетел,
Капнул из уборной*

Был он очень добрым, всегда готовым прийти на помощь. Как-то одна женщина попросила принять на работу её племянницу - томичку, которую выгнали с фельдшерских курсов из-за ареста матери. Не знаю уж, как Дмитрий Дмитриевич извернулся, как нашёл вакансию, но эта девушка Аня приехала к нам в Парабель и работала в больнице всю зиму.

Девчонки деньги у Дмитрия Дмитриевича всегда занимали. Он обстоятельно спрашивал - зачем, на какую покупку. Я так платье себе взяла, пальто. Он потом обязательно посмотрит, похвалит.

Он этой внимательностью и уважение к себе в Парабели завоевал безмерное. Всех в посёлке и многих в окружающих деревнях знал по имени-отчеству. Когда моя мама приезжала ко мне в гости, он брал её за руку и уводил к себе, где усаживал за стол, и они о чём-то долго беседовали. Для меня до сих пор остаётся загадкой, о чём могли говорить простая деревенская женщина и столичный житель.

Его лечение тоже строилось на огромном внимании и заботе о больном, для которого жизненно важно не только вовремя получить укол или микстуру, но и ощущать доверие и уважение к врачу, его опеку (рис. 3). Дмитрий Дмитриевич не только вёл большие приёмы и делал обходы больных днём, к тяжёлым он приходил и ночью. Они знали это, ждали, старались не уснуть. А он придёт на цыпочках и, если всё нормально, также потихоньку и уйдёт. А больной наутро переживает: «Эх, проспал доктора. Ждал его, ждал, а потом сморило».

Никогда не брезговал заразными больными: заходил в отделение, садился прямо на кровать, трогал их руками. Однажды он был в отъезде, а с одним тифозником стало плохо. Докторша, которая Дмитрия Дмитриевича замещала, подошла к постели, а прикоснуться к больному побоялась. Так он и умер. Дмитрий Дмитриевич по приезде сильно сокрушался, говорил: «Я бы его выходил».

Верили ему люди безгранично. Как-то он в долгой командировке был, а у двоюродного брата его жены Таисии случился приступ туберкулёза. Он так ждал Дмитрия Дмитриевича! Всё время говорил: «Вот Донской приедет, он меня спасёт». Так около окошка и умер.

О Донском как о докторе слава по всему Нарымскому краю гремела. Да и не только по краю, из-под Томска к нему больные ехали. Когда он умер, то молодая докторша сокрушалась: «Я специально выбрала Парабель, чтобы поучиться у доктора Донского, а не успела».

А как он заботился о больнице! Скот мы имели, огород. Больных он всегда старался покормить получше. Строго следил за всем. Не дай бог увидит дома у кого-то из персонала такую же кухонную посуду, как в больнице. Забирает - и уносит в столовую для больных. Ему начинают доказывать, что завоз в сельпо такой посуды был - и для больницы брали, и для себя. «А не берите одинаковую, - говорил, - не подрывайте у людей веру в больницу и в вас самих».

Рис. 3. Д.Д. Донской ведёт амбулаторный приём больных. С. Парабель.
Кон. 1920 - нач. 1930-х гг. Из архива Д.Д. Донского (младшего)

Хороший хозяйственник не может не хитрить. А уж такой, как Дмитрий Дмитриевич, который был к тому же ещё и тонким психологом, - и подавно. Когда в больницу ложился кто-то из начальников, он обязательно распоряжался застилать его кровать старой простынёй. А после выписки отправлял к нему кастеляншу с заявкой на постельное бельё или ещё на что-то... Сейчас трудно поверить, но у нас тогда было по 7 комплектов белья на кровать. А потом начальникам стали класть только новые простыни. И запасы уже не пополнялись.

Я ведь и при последних часах жизни Дмитрия Дмитриевича присутствовала. Когда он сделал себе инъекцию морфия, врачебная комиссия из Колпашева, приехавшая на суд, собрала медперсонал на собрание. Говорили нам, что не надо плакать. В это время прибежала домработница Дмитрия Дмитриевича с вестью, что ему совсем плохо, что он хрипит. Врачи пошли к нему, осмотрели, и один говорит: «Не реагирует на раздражители, спит. Явные признаки отравления морфием». А Дмитрий Дмитриевич глаза открывает: «Простите, пожалуйста, но я не сплю». Они снова вернулись к нам на собрание. Через короткое время домработница вновь прибежала. Тут уж я не выдержала, и тоже пошла с приезжими врачами. Дмитрию Дмитриевичу начали делать промывание желудка, я его держала за плечи. Он молчал. Доктор, который проводил процедуру, помню, говорил: «И не таких с того света вытаскивал. Уж тут-то всё будет хорошо». Только потом выяснилось, что промывание было бесполезным, поскольку морфий был введён в кровь.

Перед смертью Дмитрий Дмитриевич написал несколько записок. Одна была для нас. Он писал, чтобы мы хорошо работали, берегли больницу, чтобы его личный микроскоп передали в больницу. А в другой было написано: «Лучше больной зуб вырвать, чем все-

гда терпеть его боль». Работники НКВД сказали, что это двусмысленная фраза.

Хоронили Дмитрия Дмитриевича в 6 час. вечера. Народа было много. Но в основном ссыльные и женщины, местные мужчины побоялись идти. А на кладбище было фотографирование, и я тоже не стала рисковать - спряталась от греха подальше».

Простой незамысловатый рассказ передаёт события так, как они запомнились 20-25-летней девушке, а сейчас 90-летней пожилой женщине. Что же из этого подтверждается документами, прежде всего из дела Д.Д. Донского, которое хранится в архиве Управления ФСБ по Томской области?

Вот только несколько фактов соответствия, изложенные в том же порядке, что и в рассказе Марии Петровны.

Факт: умение жены Д.Д. Донского делать красивые цветы из ткани. Действительно, Надежда Михайловна Донская имела и тонкий вкус, и склонность, и необходимое образование к занятиям изобразительным искусством. Во время эмиграции в Германии в 1909-1910 гг. она училась дизайну в школе прикладного искусства⁷.

Факт: общение Донских с сотрудниками агростанции. Полное название этой организации - Парабельское межрайонное сельскохозяйственное опытное поле Ва-сюганской агрометеорологической сети. Среди основоположников и работников станции было немало ссыльных, в том числе и бывших членов Партии социалистов-революционеров. Для примера можно привести хотя бы громкое имя почвоведа Р.С. Ильина⁸. Разумеется, люди близкого образовательного и культурного уровня, схожих взглядов и общей судьбы не могли не поддерживать между собой отношений. Во время травли Д.Д. Донского, за месяц до его смерти, 16 августа 1936 г. на собрании районного партактива местный функционер П.И. Кутафьев⁹ выступал так: «У нас в Парабели особенно нужно быть бдительным. Взять Донского: он себя ведёт вызывающе, он старается создать себе авторитет и других своих сотрудников унизить. Я считаю, что Донской имеет связь с Опытным полем, а на Опытном поле не благополучно...»¹⁰.

Факт: трудоустройство девушки Ани, сбежавшей из Томска после ареста матери. Документы подтверждают, что Д.Д. Донской при подборе штата больницы отдавал предпочтение репрессированным и нередко отказывал в работе местным жителям. Например, в марте 1936 г. в спецсводке Нарымского окружного отдела НКВД среди сотрудников Парабельской больницы указаны: «Жена зиновьевца высланного из Ленинграда, Гудло-Налимова; жена адъиссыльного по ст. 58-б УК Тропова; жена заключённого по ст. 58-10-11 УК к 10 годам Черкасова; она же сама - трудпереселенка; и жена Донского - Иванова...»¹¹. Можно предположить, что Дмитрий Дмитриевич, сам имея статус ссыльного, прекрасно понимал всю тяжесть положения других парабельских невольников и по мере своих возможностей пытался облегчить их участь. Ведь такой категории населения найти работу в нарымской глубинке те годы было почти невозможно, их просто не брали из-за их статуса. Свободные жители шансов на

трудоустройство имели намного больше. Но местные репрессивные органы и осведомители в своих донесениях объясняли такие действия главврача иными причинами: его антисоветской позицией и низким профессиональным уровнем: «*Для того, чтобы не были вскрыты его браки в работе, Донской в операционную во время операции никого из опытных людей не пускает, а набрал себе курсанток-сиделок с явно антисоветского элемента...*»¹².

Факт: высочайший авторитет Д.Д. Донского среди местного населения. Это подтверждено огромным количеством документов. Так, секретарь уездного комитета ВКП(б) Рябов 24 ноября 1924 г. - в первые же месяцы парабельской жизни Д.Д. Донского - докладывал губернскому начальству: «...Приём у него в среднем на день 70 чел. Авторитет его среди пациентов растёт...»¹³. В июне 1925 г. Томский губотдел ОГПУ сообщал в Москву: «Среди местного населения Донской авторитетен, главным образом, как квалифицированный для Нарымкрай медицинский спец.»¹⁴. Тогда же заведующий Нарымской малярийной экспедицией А. Есевевич выразил своё мнение: «...Медпункт является уже мощной организацией, обслуживающей огромный район в сотни вёрст и своей авторитетностью привлекающей население из отдалённых пунктов Нарымского края...»¹⁵. И т.д. Но традиционное для российской, а тем более сибирской глубинки уважение к врачу было лишь одной составляющей авторитета Дмитрия Дмитриевича. Бессспорно, что на его положительную оценку в глазах окружающих влияли и личностные качества, прежде всего - интуитивное знание человеческой психики, помноженное на богатый жизненный опыт политика и многолетнюю пропагандистскую работу именно среди крестьянских масс. Ведь социалисты-революционеры всегда изучали настроения селян, тонко на них реагировали, хорошо знали интересы земледельцев и умели с ними общаться.

Факт: Противодействие Д.Д. Донского реанимационным мероприятиям медиков после своего отравления; затягивание ситуации до того момента, как действие морфия примет необратимый характер. Из рассказа М.П. Ка-чаловой: «В это время прибежала домработница Дмитрия Дмитриевича с вестью, что ему совсем плохо, что он хрипит. Врачи пошли к нему, осмотрели, и один говорит: «Не реагирует на раздражители, спит. Явные признаки отравления морфием». А Дмитрий Дмитриевич глаза открывает: «Простите, пожалуйста, но я не сплю». Они снова вернулись к нам на собрание».

Это полностью подтверждается документами. В акте о состоянии Д.Д. Донского от 23 сентября 1936 г. сказано: «...В 4 часа 45 минут 22. IX. зав. райздравом т. Борисенко Д.Е. зашёл на квартиру к д[окто]ру Донскому Д.Д. для переговоров по служебным делам, заставил его на квартире в лежачем положении с явлениями засыпающего человека, с несвязной речью и курящего сигару.

...На вопрос «Что случилось?» д[окто]р Донской ответил: «Не знаю. Видимо, от переутомления - сердечный нервный припадок или анемия мозга». При чём мною, Киселёвым, было замечено, что при анемии мозга бывает шум в ушах.

Д[окто]р Донской ответил: «Это у меня есть. Немножко тошнит» (рвоты не наблюдалось). На вопрос к Донскому «Принимали ли Вы что-нибудь из яда или нет?» [последний] ответил: «Что вы? Зачем мне это дело? Со мной от переутомления [так] бывает часто».

...Д[окто]р Киселёв и жена д[окто]ра Донского пытаются узнать, не принимал ли он что-нибудь из ядов. Но последний категорически отвечает о не-принятии ядов.

...После этого он стал объяснять причину своего болезненного состояния о прошлом глубоком наслаждении на центральную нервную систему....

Проверив ещё раз зрачки, пульс и сердечную деятельность и найдя их в более удовлетворительном состоянии, причинило основание д[окто]ру Киселёву дать совет предоставить д[окто]ру Донскому покой... Далее на собрании коллектива медиков находившиеся д[окто]ра Борисенко и Манищев были вызваны сестрой Целищевой к д[окто]ру Донскому, который находился в бессознательном состоянии, с замедленным пульсом, синюшностью лица и совсем нереагирующими зрачками. Температура - 35,6°. Был вызван доктор Киселёв, и в присутствии зав. райздравом т. Борисенко, зуб[ного] врача Конторовича, медсестёр Целищевой, Ивановой и Савиных, завхоза Перевозчикова и его жены Перевозчиковой было констатировано д[окто]ром Киселёвым острое отравление морфием и немедленно было произведено: инъекция стрихнина 0,5% в количестве 1 грамма и трёхкратное промывание желудка марганцевой калией с оставлением около 200,0 в желудке марганцевой калии. После удаления зонда применено искусственное дыхание, тёплое обёртывание, холодный компресс на голову и грение к ногам...»¹⁶.

Но все действия оказались запоздалыми и тщетными - решившийся на суицид Дмитрий Дмитриевич перехитрил.

Однако необходимо указать и другой блок информации из устных источников - тот, который крайне редко дублируется письменными документами. Но для исторического исследования эти сведения самодостаточны и самоценны. Человеческий рассказ сохраняет иногда такие мелкие детали, маловажные события и нюансы ситуаций, которые, на первый взгляд, никак не могут претендовать на статус самостоятельного исторического факта. Однако нередко именно они дают ключ к пониманию поступков того или иного человека, а, значит, и раскрывают причины событий. Например, в воспоминаниях М.П. Качаловой есть интересная мысль об истоках огромной веры пациентов в целительный талант Дмитрия Дмитриевича - его очень трепетное и внимательное отношение к больному. Сегодня это назвали бы одной из форм психотерапевтического лечения.

Действительно, до приезда в Парабель у Д.Д. Донского врачебный опыт был небольшим. После окончания Мюнхенского университета в 1911 г. он два года служил домашним врачом у графа Замойского, а затем, во время ссылки 1914-1916 гг. - в сельской больнице в Тобольской губернии. Вряд ли это послестуден-

ческое пятилетие было наполнено активной медицинской практикой и резким ростом квалификации. А с 1917 по 1924 г. вся его жизнь и вовсе не соприкасалась с медициной, наполнившись политической деятельностью и тюрьмами. Практически активная самостоятельная врачебная деятельность Д.Д. Донского началась только в Парабели. Причём в не сопоставимых с прежней медпрактикой масштабах. Хирургическими операциями он вообще начал заниматься только после приезда в Парабель в 1930 г. летучего хирургического отряда А.Г. Савиных¹⁷, т.е. в возрасте 49 лет. В письме Дмитрия Дмитриевича жене за тот год есть строки: «Я сначала ассистировал, потом мне ассистировали»¹⁸. Неудивительно поэтому негативное мнение его коллег о качестве операций. Врач Э.М. Качанова в 1936 г. утверждала, что брак главврача доходил до 100%¹⁹, медсестра Пелагея Ефимовна Кочетова в 1993 г. в разговоре с колпашевским журналистом С.П. Уразовым обронила фразу «хирург он был неважный»²⁰. Обе они подтвердили своё мнение несколькими примерами.

Однако все воспоминания парабельских старожилов выражают однозначное мнение: Донской был выдающимся врачом. Думается, что причины такого всеобщего единомыслия тонко подмечены в вышеприведённом рассказе, и вряд ли они когда-то могут быть обнаружены в письменных документах.

Это же относится и ко множеству бытовых эпизодов из жизни Д.Д. Донского, которые для раскрытия его натуры, очеловечивания портрета и, в конце концов, понимания судьбы дают больше, чем кипы некоторых документов. Ну откуда, как не из воспоминаний, можно было узнать о таких житейских мелочах, как хитрость с больными начальниками для решения хозяйственных нужд; как инциденты с изыманием у медперсонала посуды, похожей на больничную; как занимание молоденькими санитарками денег у Д.Д. Донского... А ядрёная частушка из уст члена ЦК одной из крупнейших политических партий! Только один этот короткий штришок делает портрет крупного исторического деятеля, которым, без сомнения, был и остаётся Донской, не иконой, а фотографией близкого и понятного человека. А ведь для понимания истории нужен не только ум, но и чувства, причём позитивные.

Есть и третья информационная составляющая устных источников - это та, которая напрочь опровергается письменными документами. О ней и говорилось в самом начале этой публикации. В сложной и яркой биографии Д.Д. Донского больше всего небылиц крутится вокруг таких мелодраматических моментов, как его второй брак в Парабели, самоубийство и похороны.

Факт отъезда из Парабели первой жены Донского Надежды Михайловны и его вторичной женитьбы на местной жительнице Таисии Ериферьевне Ивановой в той или иной мере упоминали все, кто рассказывал о докторе. Но сколько при этом выплескивалось неточностей и небылиц! Парабелец Александр Иванович Вялов окрестил вторую супругу Таисию Ериферьевну Таисией Ивановной²¹, уже упомянутая П.Е. Кочетова первую жену Надежду Михайловну

из Ленинграда называла Натальей из Москвы. Из последнего же источника исходит информация, будто первая жена специально приезжала в Парабель на вторую свадьбу своего супруга, а Иванова отказалась брать фамилию Донская²². Всё это полный абсурд, поскольку никакой второй свадьбы не было, Донской оставался в церковном и гражданском браке с первой супругой до конца своей жизни, а его союз с Таисией Ериферьевной в юриспруденции именуется «сожительством».

О предсмертных записках Д.Д. Донского. Иногда, как в части рассказа М.П. Качаловой, их содержание передано более-менее верно, но в большинстве случаев налицо бурная народная фантазия. Та же Качалова цитирует невесть откуда взявшуюся сентенцию: «Лучше больной зуб вырвать, чем всегда терпеть его боль». Н.М. Клепиков из Парабели писал в районной газете «Нарымский вестник», что в карманах покойного Донского нашли «письма с проклятиями в адрес Сталина»²³. Причём этот автор, как и его земляк А.И. Вялов, датирует смерть 1937 г., т.е. годом позже реальной (вот она - недолговечность человеческой памяти!). П.Е. Кочетова пересказывала письмо Д.Д. Донского Т.Е. Ивановой в такой мелодраматической лексике: «Меня не спасайте, я сделал инъекцию 2 грамма морфия в подъязычную железу. Спасать бесполезно... Советую тебе год прожить и замуж выходить»²⁴. И так далее...

На самом деле ни первая, ни вторая жена не были адресатами последних посланий Дмитрия Дмитриевича. Всего он написал 4 записи. Все они хранятся сейчас в АУФСБ ТО.

Одна из записок была адресована сыну.

Мой милый и любимый Митя.

*Прости. Не мог иначе. Устал. А жаль, что не могу выполнить просьбу Тани
«Подождите умирать».*

Горячо²⁵ желаю вам всем счастья.

*Подготовь осторожно маму. Поцелуй её от меня. Она очень хорошая.
Весь твой в твоей по жизни*

отец.

22.IX.1936 г. 12 ч[асов] дня²⁶.

Второй адресат был назван автором так: *Персоналу Парабельской б[ольни]цы, кроме Никольской*

Прощайте, друзья. Крепко вас всех целую - кого крепче, кого помягче. Благодарю за помощь в работе и личное отношение.

Берегите больницу.

Не разбегайтесь.

22.IX.1936 г. Ваш друг Д.Д.

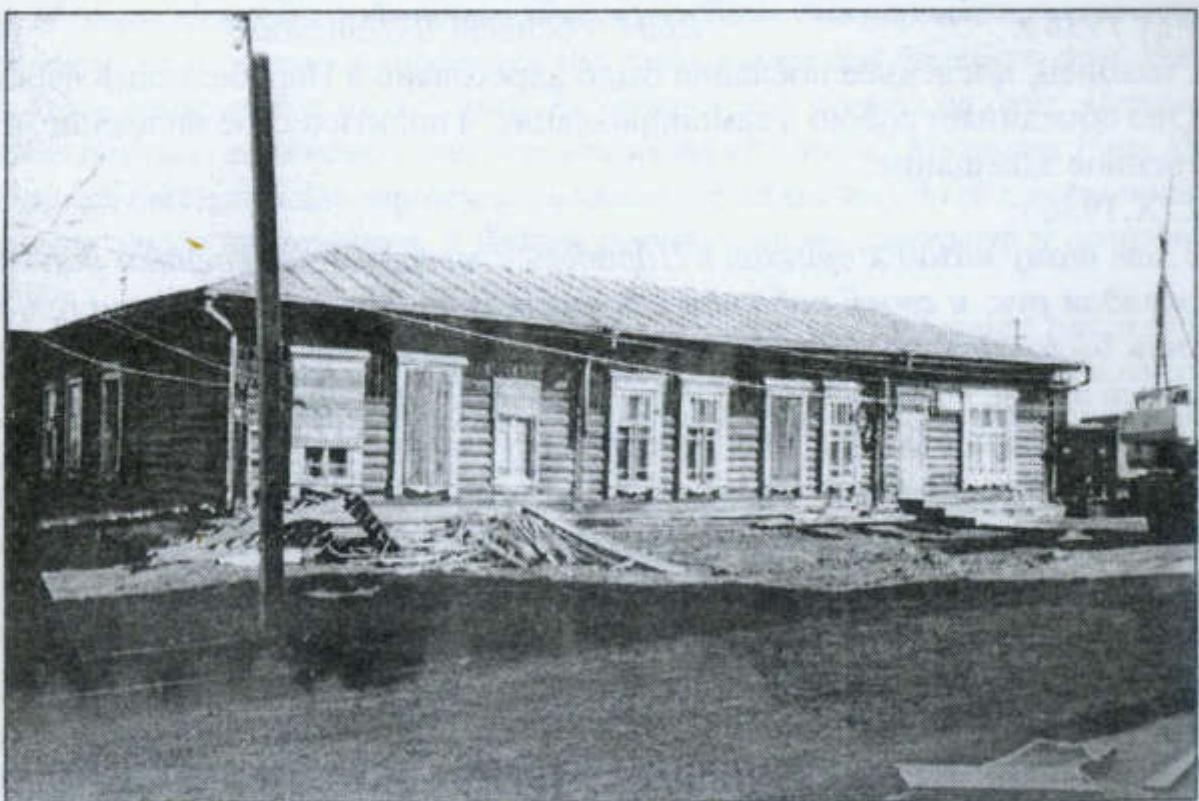
Берегите Тасю²⁷.

Третья записка относилась к заведующему Нарымским окружным здравоохранением Н.Н. Киселёву:

Рис. 4. Больница в Парабели, построенная Д.Д. Донским. Вверху - момент строительства. Ок. 1929-1930 гг. Фото Шапиро.

Из архива Д.Д. Донского (младшего). Внизу - современный вид. 14 мая 2001 г.
Фото и архив автора

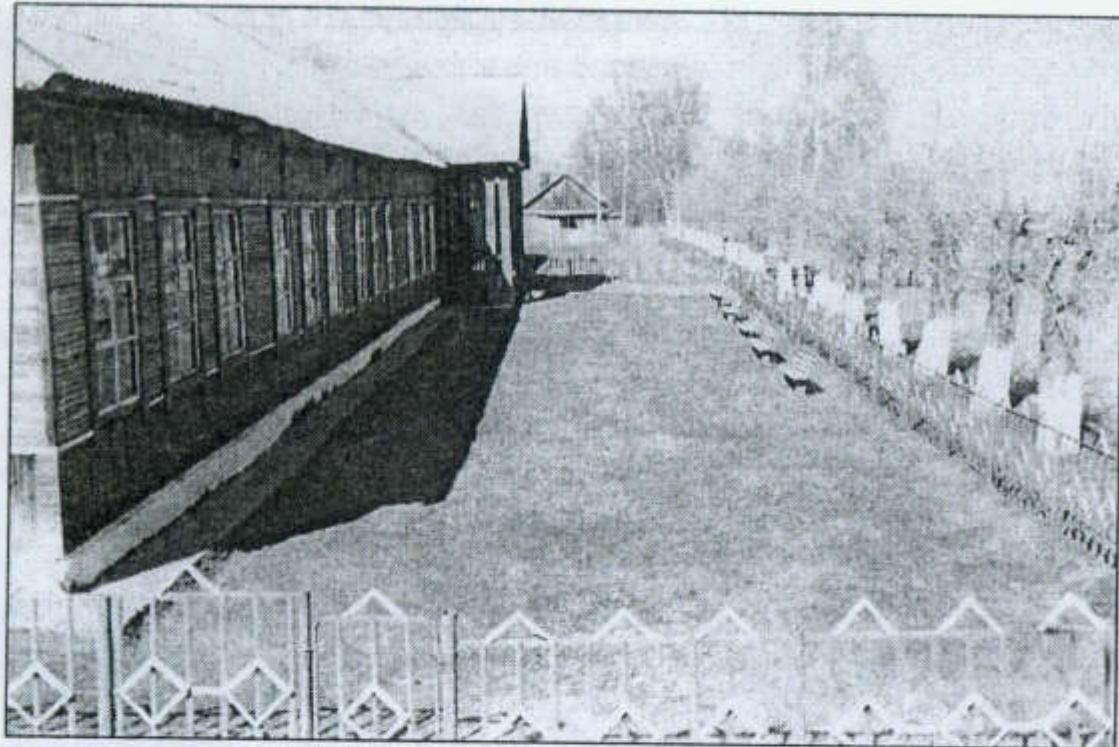

Рис. 5. Место захоронения Д.Д. Донского сегодня. 14 мая 2001 г.
Фото и архив автора

Прошу не трудиться вскрывать меня - впрыснул себе под кожу морфий. Извините за некоторое беспокойство. Поберегите больницу от развала.

22.IX.1936 г.

Врач (роспись) Д. Донской²⁸.

И, наконец, последнее послание было адресовано в Парабельский народный суд. Оно объединяет собою и самооправдание, и политическое заявление, и имущественное завещание:

22.IX.1936 г.

12 лет тому назад я приехал в Парабель с твёрдым намерением работать, не покладая рук, и своей работой искупить хоть отчасти то, что при моём участии было сделано против революции. Я тешил себя надеждой, что работой своей и тем, что я создал на пустом месте, я приобрету доверие и партии, и правительства и свою с себя позорное клеймо контрреволюционера. Оказалось, это не так. Когда на чашку весов легла моя работа и злостная болтовня Никольской, спасающей свою шкуру, то вера была ей. Я думал отчаянно бороться, сопротивляться, я бросился от Яскеровича²⁹ к Артюху³⁰, от Артюха к Киселёву³¹ - и везде встречал насмешку, недоверие, иронию, иногда издевательства... Мое обращение в край, где меня, как будто, знают и ценят, оказалось неудачным: в крайздраве все видные работники уехали.

Кольцо всё суживается, тупик безысходный. Три месяца я живу в этом тяжёлом состоянии, переутомлённый предыдущей непосильной работой. Нет сил

убедиться, что мне не верят публично и, главное, нет никакой надежды когда-нибудь и где-нибудь добиться этого.

Я дожил до ясных дней победы социализма, мы стоим накануне полной победы социалистической демократии. Дело, за которое, ошибочно иногда, я боролся всю свою сознательную жизнь с 16-летнего возраста, победило. С этим утешением и мыслью, что и моего мёду есть в этом, я ухожу³².

В делах Мухачёва я не виновен, прочтите внимательно и с доверием (а мне сейчас не страшно поверить даже самому бесстрашному человеку) мои объяснения, и вы поймёте, что перевязочный материал, который за моей спиной безобразно стерилизован, с одной стороны, и натужение ущемлением... сопротивляемость организма М[ухачёва], с другой, явились причиной катастрофы. «Халатность» - не то слово, «несчастье» надо сказать.

Теперь несколько формальных распоряжений.

1). Всю библиотеку, инструментарий, микроскоп и проч[ее] медицинское имущество передаю больнице, которую умоляю беречь от разала.

2). Остальным имуществом, как денежным, так и вещевым, распоряжается моя жена Т.Е. Иванова.

3). Если она тоже погибнет вслед за мной, опечатайте и дайте знать моей первой жене: Ленинград, Васильевский остров, 8 линия, 21, кв. 20. Надежде Михайловне Донской. Может, она приедет ликвидировать то, что останется. Не удивляйтесь обилию вещей, я с собой привёз 20 пудов багажа, да потом ещё много привозили и присылали, а жил я скромно. Да, ещё остался жеребёнок (гнедой) и белая лодка - оба мои, включите их в инвентарь больницы.

4). И самое важное - поберегите мою жену Тасю, она наравне со мной создавала эту полную чашу, которой гордитесь Вы. Есть у меня ещё приёмная дочь Колотовкина (дочь коммуниста из Нарыма). Её вотчим, как я узнал на днях, Непомнящий куда-то отдавал её пенсию с тех пор, как я взял её. Опеки³³ Костарев Иван Кудинович должен был получать эту пенсию и класть её на книжку до её совершеннолетия, но ничего этого не делается, и бедная девчонка вновь сиротеет и остаётся без средств.

Ну, кажется, всё. Ради курьёза: быть может, вам удастся расследовать, кто украл из больницы всю арматуру автоклава и так лишил меня возможности доказать, что наш автоклав был негоден к употреблению, почему можно считать, что автоклава в больнице нет.

Давно не контрреволюционер. Врач (罗斯пись) Д. Донской³⁴.

В рассказах о Д.Д. Донском можно было бы найти ещё массу примеров несоответствия строгим письменным документам - и в обстоятельствах его жизни в Парабели, и в подробностях его смерти и похорон... В этом нет необходимости - уже и приведённых примеров достаточно для понимания необходимости каждому историку «поверять алгеброй гармонию», то есть корректировать собираемую им устную информацию другими видами исторических источников.

¹ Публикация подготовлена по докладу, прочитанному на Парабельской районной историко-краеведческой конференции «С клеймом врага» 15 мая 2001 г.

² К настоящему времени вышло 8 книг из запланированной 16-томной серии: Земля асиновская. Томск, 1995; Земля каргасокская. Томск, 1996; Земля парабельская. Томск, 1996; Земля верхнекетская. Томск, 1997; Земля александровская. Томск, 1999; Земля колпашевская. Томск, 2000; Земля первомайская. Томск, 2001; Земля чайнская. Томск, 2001.

³ Дмитрий Дмитриевич Донской (1881-1936) - видный деятель российского революционного движения, член Партии социалистов-революционеров и руководитель её боевой организации. С 1924 г. и до момента своего самоубийства проживал в ссылке в с. Парабели Нарымского края, где заведовал районной больницей. См. о нём: Дмитрий Дмитриевич Донской / Составитель, автор введения, литературной обработки, комментариев Я.А. Яковлев. Томск, 2000.

⁴ Вялов А.И. 1937-й год - год репрессий // Нарымский вестник. 1992 г. 10 окт. № 119. С. 3; Клепиков Н.М. Не вычеркнуть из памяти те горькие события // Нарымский вестник. 20 ноября 1993 г. № 134. С. 2.

⁵ Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.» // Советский север. 9, 20 авг., 1, 6, 17, 22, 27 сент. 1994 г. № 90, 95, 100, 102, 107, 109, 111; То же // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 252-266.

⁶ Бондаренко А.А., Красильников С.А. Дмитрий Дмитриевич Донской в Нарымской ссылке // Историческая наука на рубеже веков. Мат-лы Всерос. научн. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 199-214.

⁷ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 114, 122.

⁸ Рассамахин Ю.К. Первый музей в Нарымском крае // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 240-251.

⁹ О П.И. Кутафьеве см.: Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. У истоков Колпашевского краеведческого музея: Пётр Иванович Кутафьев // Тр. Томск. обл. краевед. муз. Томск, 2000. Т. X. С. 96-127.

¹⁰ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 358.

¹¹ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 356.

¹² Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 355-356.

¹³ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 300.

¹⁴ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 317.

¹⁵ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 318.

¹⁶ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 362-364.

¹⁷ Савиных А.Г. Опыт работы и организации хирургической помощи на севере реки Оби в осяко-самоедско-тунгусских районах // Тр. Томск. мед. ин-та. Томск, 1933. Вып. 1-3. С. 244-285; То же // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 222-229.

¹⁸ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 245.

¹⁹ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 355.

²⁰ Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.» // Земля парабельская... С. 263.

²¹ Вялов А.И. 1937-й год - год репрессий...

²² Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.» // Земля парабельская... С. 261.

²³ Клепиков Н.М. Не вычеркнуть из памяти те горькие события...

²⁴ Уразов С.П. Инициалы «Д.Д.Д.» // Земля парабельская... С. 264, 265.

²⁵ При первой публикации этого письма мною было неверно прочтено слово: надо «горячо» вместо «строго» - Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 280.

²⁶ К этому можно лишь добавить, что это послание не было передано адресату. Только в 2000 г. 90-летний Д.Д. Донской получил от меня ксерокопию последнего слова своего отца.

²⁷ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 280.

²⁸ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 281.

²⁹ Секретарь Парабельского райкома ВКП(б).

³⁰ Начальник Парабельского районного отделения НКВД.

³¹ Заведующий Нарымским окружным отделом здравоохранения.

³² Здесь и далее подчёркнуто в подлиннике.

³³ Так в подлиннике.

³⁴ Дмитрий Дмитриевич Донской... С. 282-283.